

Вождь большевиков В. И. Ленин в свое время написал, что учение Маркса всеильно, потому что оно верно. Ленин, несомненно, был одним из самых грамотных марксистов своей эпохи, умел творчески подходить к марксизму, развивать и углублять его. Но вряд ли в начале своей революционной деятельности он предполагал, что сам постепенно внесёт в учение Маркса такие доработки, которые войдут в противоречие с сутью марксизма. Позже они легли в основу «учения марксизма-ленинизма»...

Новое учение было детищем своего времени - эпохи национальных политических революций рабочих и крестьян, идейно обслуживало эти революции. Но какова будет его роль в условиях глобальной социальной революции пролетариев, о которой начали размышлять еще Маркс и Энгельс? Прежде всего, понятно, ответ на этот вопрос нужно искать в научном наследии самих классиков.

При сравнении большевизма с марксизмом мы будем рассматривать «генеральную линию» большевизма — ленинизм. Хотя партия большевиков знала и другие идейно-политические течения: «старых большевиков» до ленинских Апрельских тезисов 1917 года, «левых коммунистов» образца 1918 года, «Рабочую оппозицию», Группу демократического централизма и ряд других лево-оппозиционных групп. А ведь были и правые течения в РКП(б)-ВКП(б). Нужно учитывать и то, что большевизм ленинского периода, не равнозначен большевизму периода Сталина, хотя и связан с ним. Был и существует троцкизм. Но все это мы оставим за скобками. Ведь все модификации ленинизма, так или иначе, воспроизводят его основные положения. Особенно концепцию «диктатуры пролетариата не через поголовно организованный пролетариат, а в виде системы нескольких зубчатых колёс во главе с авангардной партией» (см. В.И. Ленин, ПСС, т. 42, с.204-205) - детище экономической и культурной отсталости стран, где в рамках национальной буржуазной революционности вызрел феномен радикальных рабоче-крестьянских революций.



МАРКСИЗМ И БОЛЬШЕВИЗМ

Мы довели буржуазно-демократическую революцию до конца, как никто. Мы вполне сознательно, твердо и неуклонно продвигаемся вперед, к революции социалистической, зная, что она не отделена китайской стеной от революции буржуазно-демократической, зная, что только борьба решит, насколько нам удастся (в последнем счете) продвинуться вперед, какую часть необъятно высокой задачи мы выполним, какую часть наших побед закрепим за собой. Поживем, увидим. Но и сейчас уже мы видим, что сделано гигантски много — для разоренной, измученной, отсталой страны — в деле социалистического преобразования общества.

В. И. Ленин. «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции».

марксистов уступил место «государственному социализму» большевиков.

«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛИЗМ»

Сама концепция «государственного социализма» впервые появилась в середине XIX века. Именно её придерживался основатель первой политической организации немецких рабочих Ф. Лассаль. К ней же позже склонялись влиятельные лица в руководстве Германской социал-демократической рабочей партии. Основное течение «государственного социализма» видело выход в том, чтобы добиться решающей помощи рабочим ассоциациям со стороны германского государства (в то время ещё даже не вполне буржуазного). В те годы правительство канцлера Бисмарка стало обращать в собственность государства некоторые предприятия и даже целые отрасли национального хозяйства, создавая госмонополии. Приверженцы «государственного социализма» горячо applauded таким мероприятиям. Они считали, что этот курс может, в конце концов, привести страну к социализму. Появилось множество публикаций с теоретическим обоснованием этой первой практики «государственного социализма» и предложениями по её дальнейшему развитию. Видными теоретиками «государственного социализма» выступили, в частности, К. Родбертус-Ягцов и Е. Дюринг. Именно взгляды последнего и критиковал Энгельс в своей известной книге «Анти-Дюринг».

Рассматривая то, что капиталистическое государство вынуждено брать на себя управление крупнейшими корпорациями, Энгельс отмечал: «Я говорю «вынуждено», так как лишь в том случае, когда средства производства или сообщения действительно перерастут управление акционерных обществ, когда их огосударствление станет экономически неизбежным, только тогда — даже если его совершит современное государство — оно будет экономическим прогрессом, новым шагом по пути к тому, чтобы само общество взяло в свои владения все производительные силы. Но в последнее время, с тех пор как Бисмарк бросился на путь огосударствления, появился особый рода фальшивый социализм, выродившийся местами в своеобразный вид добровольного лакейства, объявляющий без оличностей социалистическим всякое огосударствление, даже бисмарковское. Если государственная табачная монополия есть социализм, то Наполеон и Меттерних несомненно должны быть занесены в число основателей социализма».

В 1881 году Энгельс писал известному немецкому социал-демократу Э. Бернштейну следующее: «(...) Это чисто корыстная, манчестерски-буржуазная фальсификация — называть «социализмом» всякое вмешательство государства в свободную конкуренцию: покровительственные пошлины, гильдии, табачную монополию, огосударствление отдельных отраслей промышленности, прусский государственный банк, королевский фарфоровый завод. Мы должны подвергать это критике, а не принимать на веру. Если же мы сделаем последнее и построим на этом теоретическую систему, то она рухнет вместе со своими предпосылками, рухнет при простом доказательстве, что этот мнимый социализм является всего лишь феодальной реакцией, с одной стороны, и предлогом для выкачивания денег — с другой, а его косвенная цель — превратить возможно большее число пролетариев в зависимых от

степени интересней, и из него легко извлечь практические уроки. Между прочим, это — доказательство того, как первобытный коммунизм на Яве, как и в Индии, и России, образует в настоящее время великодушную и самую широкую основу для эксплуатации и деспотизма (пока его не встряхнет элемент современного коммунизма). В условиях современного общества он оказывается столь же кричащим анахронизмом (который должен либо быть устранен, либо же получить дальнейшее развитие), как и независимая община — марка старых кантонов».

Под влиянием Энгельса в конце 1880-х гг. в Германской социал-демократической рабочей партии развернулась борьба против приверженцев «государственного социализма». Опираясь на критику классика и осознавая последствия расширения контрреволюционной практики «госсоциализма» руководство партии даже записало следующий пункт в Проект Эрфуртской Программы 1891 г.: «Социал-демократическая партия не имеет ничего общего с так называемым государственным социализмом, системой огосударствления в фискальных целях, которая ставит государство на место частного предпринимателя и тем самым объединяет в одних руках силу экономической эксплуатации и политического угнетения рабочего». Этот пункт, разумеется, целиком был одобрен Энгельсом. В результате борьбы на самом Эрфуртском съезде влиятельные сторонники «государственного социализма» оказались в меньшинстве, и не смогли навязать партии свои взгляды. Но делегаты съезда решили не включать этот пункт в Программу, чтобы предотвратить возможный раскол.

Компромиссное решение немецких эс-деков отрицательно сказалось на идейных основах РСДРП. Ведь в начале своего пути российская партия марксистов во многом равнялась именно на германскую социал-демократию и её партийную программу. Отсутствие такого предупредительного программного пункта стало одной из причин того, что большевики эволюционировали в направлении новой «госсоциалистической» практики, положив начало крайнему течению «государственного социализма». После Великого Октября его приверженцы, разрушив старое государство, создали новое с полным огосударствлением промышленности и значительного сектора сельского хозяйства. Так сомкнулись две практики «госсоциализма» - контрреволюционно-эволюционистская бисмарковская типа и радикально-революционная большевистская. На место частного предпринимателя стало Советское государство...

Таким образом, именно «государственный социализм» оказался востребован рабоче-крестьянской революцией в капиталистически неразвитой России. А также других подобных странах, оказавшихся перед необходимостью революционной экспроприации мелких собственников в пользу ускоренно создаваемого государством крупной национальной индустрии. Именно фракция «государственных социалистов» в РКП(б) лихо разгромила все другие фракции и стала безраздельно определять курс партии и всего СССР. Причем, показательно, что борьба с левыми и правыми оппозициями в РКП(б)-ВКП(б) далась им относительно легко. В большинстве партийных дискуссий 1920-х годов, когда у большевиков разгорелась решающая борьба фракций, оппозици-

(продолжение на стр. 4-6)

СОЦИАЛИЗМ ПО МАРКСУ И ПО ЛЕНИНУ

Революционный переход от капитализма даже к низшей фазе коммунизма — социализму — означает, прежде всего, утверждение нового способа производства. Отсюда уже следуют перемены в распределении, обмене, потреблении, в общественных отношениях, в сфере идей. Главную из этих перемен Маркс видел в переходе средств производства в руки ассоциированных производителей — бывшего класса пролетариев. Именно в силу овладения производством, а значит, и его планирования, как и распределения произведенного, они и перестают быть пролетариями. Ведь сферу производства теперь контролируют не работодатели, а сами работники!

В Манифесте Коммунистической партии Маркс и Энгельс заявляли: «Мы видели уже выше, что первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии».

Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т.е. пролетариата организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил». И далее: «Когда в ходе развития исчезнут классовые различия и все производство сосредоточится в руках ассоциации индивидов, тогда публичная власть потеряет свой политический характер. Политическая власть в собственном смысле слова — это организованное насилие одного класса для подавления другого. Если пролетариат в борьбе против буржуазии непременно объединяется в класс, если путем революции он превращает себя в господствующий класс и в качестве господствующего класса силой упраздняет старые производственные отношения, то вместе с этими производственными отношениями он уничтожает условия существования классового противоположения, уничтожает классы вообще, а тем самым и свое собственное господство как класса».

Кроме того, классики отметили: «Овладев всеми средствами производства в целях их общественно-планового применения, общество уничтожит существующее ныне порабощение людей их собственными средствами производства. Само собой разумеется, что общество не может освободить себя, не освободив каждого отдельного человека. Старый способ производства должен быть, следовательно, коренным образом перевернут, и в особенности должно исчезнуть старое разделение труда. На его место должна вступить такая организация производства, где, с одной стороны, никто не мог бы сваливать на других свою долю участия в производительном труде... и где, с другой стороны, производительный труд, вместо того чтобы быть средством порабощения людей, стал бы средством их освобождения, предоставляя каждому возможность развивать во всех направлениях и действительно проявлять все свои способности, как физические, так и духовные, — где, следовательно, производительный труд из тяжелого бремени превратится в наслаждение».

Ленин, как один из самых талантливых учеников Маркса, знал все это. Доказатель-

ством служит одна из самых левых работ Ильича «Государство и революция». Она написана осенью 1917 года и посвящена овладению пролетариатом политической властью, организации им нового производства и общественных отношений. Тем не менее, в это же самое время из-под его пера выходит брошюра «Грозная катастрофа и как с ней бороться». Здесь Ленин уже сместил акценты. Социализм представлялся «перевернутым» государственно-монополистическим капитализмом: «А что такое государство? Это организация господствующего класса, — напр., в Германии юнкеров и капиталистов. Поэтому то, что немецкие Плехановы (Шейдемман, Ленч и др.) называют «военным социализмом», на деле есть военно-государственный монополистический капитализм или, говоря проще и яснее, военная каторга для рабочих, военная охрана прибылей для капиталистов».

Ну, а попробуйте-ка подставить вместо юнкерско-капиталистического государства государство революционно-демократическое, т.е. революционно разрушающее всякие привилегии, не боящееся осуществить самый полный демократизм? Вы увидите, что государство-монополистический капитализм при действительно революционно-демократическом государстве неминуемо, неизбежно означает шаг и шаги к социализму! (...) Ибо социализм есть не что иное как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии. Или иначе: социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией».

Близость социализма Ленин выводил из ускоренных мировой войной концентрации и централизации производства. В той же работе он писал: «Империалистическая война есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание, — никакое восстание не создает социализма, если он не созрел экономически, (пророческие слова! — ред. ЛЛ) — а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом никаких промежуточных ступенек нет». Между тем история показала, что широкое огосударствление и принудительная концентрация производства и капитала в воюющих странах были временной мерой. От нее развитие капиталистические державы отказались после I мировой войны. Впрочем, государственно-монополистические меры и впоследствии были востребованы некоторыми из них. Так нацистская Германия даже положила их в основу своей военизированной экономики. Но с окончанием II мировой войны это прекратилось.

По мысли Ленина, переход к новому строю происходит за счет утверждения новой формы государства и гигантской концентрации производства, в том числе промышленного — в руках государства. Коренные перемены в способе производства, а именно: овладение производством ассоциированными пролетариями, реорганизация общества в сеть производственно-потребительских коммун, о чем писал и сам Ленин,

онеры обычно набирали не более 5% голосов. Политическая революция рабочих и крестьян стала жить и развиваться по законам «государственного социализма»...

ГДЕ И КОГДА?

Другой не менее важный вопрос, разделивший классиков марксизма и большевиков — это при каких социально-экономических условиях может быть построен социализм, где можно считать эти условия уже объективно сложившимися.

Классики отвечали на это: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производительные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества» (Соб. соч. т. 13, стр. 7).

То есть новое общество появится там, где капитализм дошел «до ручки» — исчерпал свое развитие. Но это может быть только высокоразвитый капитализм.

В «Немецкой идеологии» классики прямо заявляют: «Коммунизм эмпирически возможен только как действие господствующих народов, произведенное «сразу», одновременно, что предполагает универсальное развитие производительной силы и связанного с ним мирового общения».

Примечательно, что в трехтомнике работ Маркса и Энгельса (издан в Москве в 1979 г.) этот тезис снабжен таким комментарием редакции сборника: «Этот вывод о возможности победы пролетарской революции лишь одновременно в передовых капиталистических странах и, следовательно, о невозможности победы революции в одной стране, получивший наиболее законченную формулировку в работе Энгельса «Принципы коммунизма» (1847), был верен для периода домонополистического капитализма. В новых исторических условиях, в период монополистического капитализма, В. И. Ленин, исходя из открытого им закона неравномерности экономического и политического развития капитализма в эпоху империализма, пришел к новому выводу — о возможности победы социалистической революции первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, стране и о невозможности одновременной победы революции во всех странах или в большинстве стран. Формулировка этого нового вывода была впервые дана в статье В. И. Ленина «О лозунге Соединенных Штатов Европы» (1915)». Советские профессора марксизма-ленинизма хорошо знали свой предмет и были «в десятку».

Действительно, в упомянутой работе Ленина читаем: «Соединенные Штаты мира (а не Европы) являются той государственной формой объединения и свободы наций, которую мы связываем с социализмом, — пока полная победа коммунизма не приведет к окончательному исчезновению всякого, в том числе и демократического, государства. Как самостоятельный лозунг, лозунг Соединенных Штатов мира был бы однако едва ли правилен, во-первых, потому, что он сливается с социализмом; во-вторых, потому, что он мог бы породить неправильное толкование о невозможности победы социализма в одной стране и об отношении такой страны к остальным».

Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране (выделено нами — ред. ЛП). Победивший пролетариат этой страны, экспроприровав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств. Политической формой общества, в котором побеждает пролетариат, свергая буржуазию, будет демократическая республика, все более централизующая силы пролетариата данной нации или данных наций в борьбе против государств, еще не перешедших к социализму. Невозможно уничтожение классов без диктатуры угнетенного класса, пролетариата. Невозможно свободное объединение наций в социализме без более или менее долгой, упорной, борьбы социалистических республик с отсталыми государствами». Но, даже пересмотрев в этом вопросе учение Маркса, Ленин еще не ставит под сомнение, что если отдельная страна и придет к социализму, то это будет передовая промышленная страна, а не «отсталое государство»! Однако конкретная практика Великого Октября — самой радикальной волны российской «буржуазной революции в широком смысле» (1905-1993) вскоре заставила его и партию иначе посмотреть и на этот тезис. А во времена Сталина сомневаться в возможности построения социализма в СССР стало уже политическим и даже уголовным преступлением...

Переход большевиков к пересмотру марксизма в данном вопросе произошел не сразу.

В первые годы после Октябрьской революции они постоянно подчеркивали, что революционные успехи в отсталой России — это только начало. Теперь черед за революцией в Европе, которая для социализма уже однозначно созрела. Но с годами стало очевидно, что именно в развитых странах социальной революции не произошло. Среди империалистических стран революция разразилась только в Германии. Но и там дело не пошло дальше свержения кайзера и установления республики, хотя и при власти социал-демократов — т. е. национальной бур-

жуазной революции.

Попытки же установить именно пролетарскую советскую власть в немецкой Баварии, Венгрии, Словакии, Финляндии, не говоря уже о Польше, неизменно терпели поражение.

Успешные буржуазные (в том числе раннебуржуазные) по сути, революции, как правило, разгорались в отсталых странах: Монголия, Китай, Турция и др. Но даже там, где эти революции приводили к установлению «социалистических» порядков под руководством местной авангардной партии, в итоге дело вернулось в русло «нормального» капитализма...

Кстати, большевики признавали буржуазный характер таких революций, но называть их решили уже иначе. В 1920 году, на II конгрессе Коминтерна при обсуждении национального и колониального вопросов Ленин заявил: «... В-третьих, мне хотелось бы особенно подчеркнуть вопрос о буржуазно-демократическом движении в отсталых странах. Именно этот вопрос вызвал некоторые разногласия. Мы спорили о том, будет ли принципиально и теоретически правильным заявить, что Коммунистический Интернационал и коммунистические партии должны поддерживать буржуазно-демократическое движение в отсталых странах, или нет; в результате этой дискуссии мы пришли к единогласному решению о том, чтобы вместо «буржуазно-демократического» движения говорить о национально-революционном движении».



На деле это помогало Советской России/СССР обзаводиться союзниками в разных частях света, несмотря на буржуазный и мелкобуржуазный характер этих союзников. Став на путь национального государственного строительства, большевики неизбежно вынуждены были жертвовать «принципами» ради реальной экономической и военно-политической выгоды. Правящая большевистская партия активно поддерживала национальные революционные движения, которые хотели установить у себя строй, аналогичный строю «страны Советов». Получалось, что СССР, будучи сам экономически только догоняющим развитый капиталистический Запад, в свою очередь втягивал еще более отсталые страны в «социализм». Создавалось впечатление, что он как бы играл роль социалистического Запада по отношению к менее развитым странам Востока.

«В ПОСЛЕДНЕМ СЧЕТЕ»

Итак, отсутствие пролетарской революции на развитом Западе ориентировало большевиков на «социалистическое» строительство в изначально капиталистически отсталой России. Ставка делалась на то, чтобы в отдельно взятой стране посредством власти компартии перестроить неразвитый капиталистический и даже частью докапиталистический базис в направлении коммунизма. Мотивацией такого процесса считалась классовая ненависть рабочих и крестьян к буржуазно-помещичьему царизму, которую гигантски усилила I мировая война. Но вождь большевиков В. Ленин, очевидно, понимал в каком противоречии с марксизмом при такой стратегии входит его партия.

Ведь он знал, как в действительности классики марксизма понимали социальную пролетарскую революцию. Знал он и то, что, рассуждая по-марксистски, большевики должны были признать, *не-социалистический* еще характер свершившегося под их руководством Октябрьского переворота. Революция началась в ходе победоносных пролетарских восстаний в столицах и триумфального шествия власти рабочих Советов по провинциальным городам. Но очень скоро она вынуждена была откатиться с пролетарского на рабоче-крестьянский уровень. Пожертвовав при этом добровольной рабочей Красной Гвардией в пользу мобилизованной Красной Армии, состоявшей, в основном, из крестьян. Как тут не вспомнить слова Ленина на том же II Конгрессе Коминтерна: «Не подлежащему сомнению, что всякое национальное движение может быть лишь буржуазно-демократическим, ибо главная масса населения в отсталых странах состоит из крестьянства, являющегося представителем буржуазно-капиталистических отношений». Все это вполне было применимо и к преимущественно крестьянской Советской России.

Во-первых, всего лишь через несколько месяцев новая политическая власть опиралась уже не на одноклассово-пролетарские, а на двуклассовые рабоче-крестьянские Советы. Причем, пролетарское меньшинство в стране еще и значительно сократилось в ходе I мировой и гражданской войн. Только в Петрограде число занятых в промышленности сократилось с 400 тысяч человек (начало 1917 г.) до 120 тысяч (осень 1918 г.). Это зас-

тавляло новую власть отступать перед интересами миллионов мелких частных товаропроизводителей села и города. Большевики были бы и рады опираться на одних пролетариев. Но на практике этого никак не получалось.

Попытки же в 1918 году перейти хотя бы к «демократической диктатуре пролетариата» — союзу рабочих и беднейших крестьян — через создание в деревне комитетов бедноты оказались несостоятельны. Стало очевидно, что комбеды — слишком узкая база для новой власти. Их большевики вскоре вынуждены были распустить, как ранее Красную Гвардию.

Вслед за лозунгом о «нейтрализации середняка» большевики объявили о союзе пролетариата со всем крестьянством за исключением кулаков. А это означало, что новая власть обещает-таки считаться с товарно-денежным характером большей части крестьянских хозяйств. Тем более что после раздела помещичьей земли количество середняков, а значит и товарность сельхозпродукции, стремительно росли. К уступкам на данном фронте большевиков подталкивала и вызванная продразверткой волна крестьянских восстаний. Эти уступки вели к расширению товарно-денежных отношений и поэтому экономически лежали в стороне, явно противоположной социализму.

Во-вторых, власть даже двуклассовых Советов уже вытеснялась властью ревкомов и самой большевистской партии. А ими в основном руководили социалисты-интеллигенты с непролетарским происхождением и мелкобуржуазным жизненным опытом. Ведь политически активный, но мало образованный, да еще и численно убывающий пролетариат не мог взять на себя непосредственное управление страной и производством. Об этом говорила хотя бы та осторожность, с которой еще перед Октябрем лидеры фабзавкомов относились к идее заменить рабочий контроль полной властью рабочих на предприятиях. В частности, накануне Октября прошла Всероссийская конференция фабзавкомов. На ней большевистский экономист В. Милютин отмечал: «Многие товарищи указывали, что в докладах не выяснены распорядительные функции заводских комитетов. Это сделано сознательно, так как хозяйственные функции — это только неизбежное зло, которое отнюдь не следует вводить в систему». Активисты фабзавкомов отлично понимали, что рабочие пока не могут, не умеют управлять экономикой. А раз так, значит, не приходится говорить о социализме. Ведь социализм — это, прежде всего, полное управление производством самими производителями — бывшими до того кадровыми и классово-сознательными пролетариями.

Ограниченные возможности тогдашних рабочих хорошо понимал и Ленин, когда говорил о советском управленческом аппарате. В статье «Лучше меньше, да лучше» он отмечал: «Какие элементы имеются у нас для создания этого аппарата? Только два. Во-первых, рабочие, увлеченные борьбой за социализм. Эти элементы недостаточно просвещены. Они хотели бы дать нам лучший аппарат. Но они не знают, как это сделать. Они не выработали в себе до сих пор такого развития, той культуры, которая необходима для этого. А для этого необходима именно культура. Тут ничего нельзя поделаться нахрапом или натиском, бойкостью или энергией, или каким бы то ни было лучшим человеческим качеством вообще. Во-вторых, элементы знания, просвещения, обучения, которых у нас до смешного мало по сравнению со всеми другими государствами». На решение этой проблемы СССР понадобились многие десятилетия. Однако за это время «только» росли образованность и культура пролетариата — т. е. только создавались *экономические предпосылки* овладения им общественным производством. Что, разумеется, не означает еще самого этого овладения.



Словом, Ленину предстоял нелегкий выбор между марксистской оценкой характера и задач развернувшейся революции и несомненным политическим успехом. И этот выбор был сделан...

В обращении «К населению» в ноябре 1917 г. Ленин пишет:

«За нами большинство народа. За нами большинство трудящихся и угнетенных во всем мире. За нами дело справедливости. Наша победа обеспечена».

Спротивление капиталистов и вышних служащих будет сломлено. Ни один человек не лишится нами имущества без особого государственного закона о национализации банков и синдикатов. Этот закон подготавливается. Ни один трудящийся и работник не потеряет ни копейки; напротив, ему будет оказана помощь. Кроме строжайшего учета и контроля, кроме взимания без утайки налогов, установленных раньше, никаких других мер правительство вводить не хочет.

Во имя этих справедливых требований громадное большинство народа сплотилось вокруг временного рабочего и крестьянско-

го правительства.

Товарищи трудящиеся! Помните, что *вы сами* теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете *все дела* государства в свои руки. *Ваши* Советы — отныне органы государственной власти, полномочные, решающие органы.

Сплотитесь вокруг своих Советов. Укрепите их. Беритесь сами за дело снизу, никого не дожидаясь. Установите строжайший революционный порядок, беспощадно подавляйте попытки анархии со стороны пьяниц, хулиганов, контрреволюционных юнкеров, корниловцев и тому подобное.

Вводите строжайший контроль за производством и учетом продуктов. Арестуйте и предавайте революционному суду народа всякого, кто посмеет вредить народному делу, будет ли такой вред проявляться в саботировании (порче, торможении, подрыве) производства или в скрывании запасов хлеба и продуктов или в задержании грузов хлеба, или в расстройстве железнодорожной, почтовой, телеграфной, телефонной деятельности и вообще в каком бы то ни было сопротивлении великому делу мира, делу передачи земли крестьянам, делу обеспечения рабочего контроля за производством и распределением продуктов.

Товарищи рабочие, солдаты, крестьяне и все трудящиеся! Берите *всю* власть в руки *своих* Советов. Берегите, храните, как зеницу ока, землю, хлеб, фабрики, орудия, продукты, транспорт — все это отныне будет *всцело* вашим, общенародным достоянием. Постепенно, с согласия и одобрения большинства крестьян, по указаниям *практического* опыта их и рабочих, мы пойдем твердо и неуклонно к победе социализма, которую закрепят передовые рабочие наиболее цивилизованных стран и которая даст народам прочный мир и избавление от всякого гнета и от всякой эксплуатации».

А вот написанное тогда же «Письмо финским товарищам»:

«Маннеру, Сиорле, Куусину, Валпасу, Вийку. Уважаемые товарищи! С величайшей радостью услышал я от моих финских друзей, что вы стоите в главе революционного крыла Финской социал-демократической рабочей партии и ведете борьбу за дело пролетарской, социалистической революции. Я с уверенностью могу заявить от имени революционного пролетариата России, что большой организаторский талант финских рабочих, их высокое развитие и длительная политическая школа демократических учреждений поможет им успешно осуществить социалистическую реорганизацию Финляндии. Мы рассчитываем на братскую помощь революционной социал-демократии Финляндии».

Да здравствует международная социалистическая революция! С лучшими приветамми Н. Ленин»

Очевидно, что Ильич говорит тут на разных политических языках. Вплоть европеизированным «финским товарищам» он пишет о «пролетарской, социалистической революции», «революционном пролетариате», «финских рабочих», «высоком развитии и длительной политической школе демократических учреждений». А вот для «внутрироссийского пользования» в ход идут общедемократические, по сути, радикально-буржуазные, революционные понятия: «большинство трудящихся и угнетенных во всем мире», «дело справедливости», «временное рабочее и крестьянское правительство», «власть Советов как органов «рабочих, солдат, крестьян и всех трудящихся», «общенародное достояние», «согласие и одобрение большинства крестьян». В обоих случаях речь вроде бы идет об одном типе революции. Но акценты настолько смещены, что и революции получаются разные! За всем этим, разумеется, стояли разные уровни экономического развития двух революционных стран. Впрочем, даже в более развитой и европеизированной Финляндии сравнительно высокий уровень развития капитализма не обеспечил победы пролетарской революции. Хотя, согласно марксизму, эта страна объективно стояла к ней ближе, чем крестьянская Россия.

Характерно, что ранее в РСДРП Ленина из-за его стратегии и тактики не раз сравнивали с русским революционером XIX века Петром Ткачевым.

П. Н. Ткачев, как известно, желал установить социализм путем заговора профессиональных революционеров. Они должны были захватить власть и через собственную диктатуру обеспечить переход России к новому обществу. Как марксисты, большевики не могли пойти путем заговора. Но их идея партии-авангарда — меньшинства, которое безраздельно и диктаторски руководит строительством социализма — была всё же в ткачевском духе. Да и на практике рычаги руководства страной сосредоточились на самой вершине партии — в руках узкой группы вождей. Даже Ленин признавал, что важнейшие решения в правящей партии и в стране принимаются «олигархией» из партийных лидеров. В «Детской болезни «левизны» в коммунизме» он отмечает: «Партией, собирающей ежегодные съезды (последний: 1 делегат от 1000 членов), руководит выбранный на съезде Центральный Комитет из 19 человек, причем текущую работу в Москве приходится вести еще более узким коллективом, именно так называемым «Оргбюро» (Организационному бюро) и «Политбюро» (Политическому бюро), которые избираются на пленарных заседаниях Цека в составе пяти членов Цека в каждое бюро. Выходит, следовательно, самая настоящая «олигархия». Ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний Цека».

партии». Похоже, Ильич и не догадывался какое мрачное пророчество тайлоса в его иронии насчет «олигархии»...

В определенном смысле, Ткачева и Ленина роднит также идея построить социализм в отсталой стране. Ткачев прямо писал в «Открытом письме господину Фридриху Энгельсу» (1874): «У нас нет городского пролетариата, это правда; но зато у нас нет и буржуазии... Нашим рабочим предстоит борьба только с политической властью: власть капитала у нас еще в зародыше. А вам, милостивый сударь, неизвестно, что борьба с первой гораздо легче, чем борьба с последней».

На что «господин Фридрих Энгельс» отвечал ему в статье «О социальном вопросе в России»: «Переворот, к которому стремится современный социализм, состоит, коротко говоря, в победе пролетариата над буржуазией и в создании новой организации общества путем уничтожения всяких классовых различий. Для этого необходимо наличие не только пролетариата, который совершит этот переворот, но также и буржуазии, в руках которой общественные производительные силы достигают такого развития, когда становится возможным окончательное уничтожение классовых различий. (...) Только на известной, даже для наших современных условий очень высокой, ступени развития общественных производительных сил, становится возможным поднять производство до такого уровня, чтобы отмена классовых различий стала действительным прогрессом, чтобы она была прочной и не повлекла за собой застоя или даже упадка в общественном способе производства. Но такой ступени развития производительные силы достигли лишь в руках буржуазии. Следовательно, буржуазия и с этой стороны является таким же необходимым предварительным условием социалистической революции, как и сам пролетариат. Поэтому человек, способный утверждать, что эту революцию легче провести в такой стране, где *хотя* нет пролетариата, но *зато* нет и буржуазии, доказывает лишь то, что ему нужно учиться еще азбуке социализма».

Эти слова классика азбучеки звучат и в отношении большевиков. Ведь они как раз пытались «отменить» классовые различия, когда общество не достигло «даже для наших современных условий очень высокой, ступени развития общественных производительных сил». Капиталистически отсталая Россия начала XX века только еще приступала к массовому формированию кадрового пролетариата. Да и мировой капитал на тот момент, как свидетельствует история, еще не исчерпал свой исторический потенциал. Российская же буржуазия вообще не отличалась антифеодалной и антикапиталистической революционностью. В итоге уже сталинизированной компартии СССР, фактически, пришлось взять на себя незавершенную историческую работу этого эксплуататорского класса. Что и получило название «построение социализма в одной отдельно взятой стране».

Нестыковки большевизма с марксизмом тогда подметили даже господа из буржуазии. Известный кадетский философ Н. Бердяев писал в работе «Истоки и смысл русского коммунизма» (глава «Классический марксизм и марксизм русский»): «Именно марксист Ленин будет утверждать, что социализм может быть осуществлен в России помимо развития капитализма и до образования многочисленного рабочего класса. Плеханов же высказывался против совмещения революции, низвергающей самодержавную монархию, и революции социальной, он против революционно-социалистического захвата власти, т. е. заранее против коммунистической революции в той форме, как она произошла. С социальной революцией нужно ждать. Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, а не революционного кружка. Это требует увеличения количества рабочих, развития их сознательности, предполагает более развитую промышленность». Автор, понятно, не утруждает себя точностью передачи идей Ленина и Плеханова. Но общее направление революционной концепции большевиков для отсталой страны он уловил.

Вскоре после Великого Октября меньшевик Н. Суханов написал книгу «Записки о нашей революции». В 1923 году Ленин перечитал эту книгу. В своих комментариях к прочитанному он обрушивания на «мелкобуржуазных демократов» и «всех героев II Интернационала»: «...до бесконечия шаблонным является у них довод, который они выучили наизусть во время развития западноевропейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «ученые» господа из них, объективных экономических предпосылок для социализма. И никому не приходит в голову спросить себя: а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистскую войну, не мог ли он, под влиянием безвыходности своего положения, броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации?»

«Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм». С этим положением все герои II Интернационала, и в том числе, конечно, Суханов, носятся, поистине, как с писаной торбой. Это бесспорное положение (выделено нами — ред. ЛП) они пережевывают на тысячу ладов, и им кажется, что оно является решающим для оценки нашей революции».

Итак, в принципе Ленин не опровергает оппонентов из лагеря меньшевиков. То, что Россия не доросла до социализ-

ма для него, грамотного марксиста, «бесспорно». Но, несмотря на экономическую отсталость страны, лидер большевиков все же *надеется*, что социализм удастся здесь построить. Этим он уже порывает с марксизмом!

А тот факт, что Ильич ставил задачу построить социализм в отсталой России, подтверждался и не раз. Вот лишь весьма краткий список примеров.

Заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 25 октября (7 ноября) 1917 г. Доклад о задачах власти Советов. Газетный отчет: «Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой вся время говорили большевики, совершилась»; «Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма»; «В России мы сейчас должны заняться построением пролетарского социалистического государства». И только в самом конце — то есть вполне как лозунг — «Да здравствует всемирная социалистическая революция!».

Резолюция ЦК РСДРП(б) по вопросу об оппозиции внутри ЦК 2(15) ноября 1917 г.: «Центральный комитет признает, что сложившаяся внутри ЦК оппозиция целиком отходит от всех основных позиций большевизма и пролетарской классовой борьбы вообще, повторяя глубоко немарксистские словечки о невозможности социалистической революции в России, о необходимости уступить ультиматумам и угрозам уйти со стороны заведомого меньшинства советской организации, срывая, таким образом, волю и решение II Всероссийского съезда Советов, саботируя, таким образом, наравшующей диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства».

Заседание ВЦИК 4(17) ноября 1917 г.: «Мы и раньше заявляли, что закроем буржуазные газеты, если возьмем власть в руки. Терпеть существование этих газет, значит перестать быть социалистом. Тот, кто говорит: «откройте буржуазные газеты», не понимает, что мы полным ходом идем к социализму. И закрывали же ведь царские газеты после того, как был свергнут царизм. Теперь мы свергли иго буржуазии. Социальную революцию выдумали не мы, — ее провозгласили члены съезда Советов, — никто не протестовал, все принял декрет, в котором она была провозглашена».

Буржуазия провозгласила свободу, равенство и братство. Рабочие говорят: «нам нужно не это». Нам говорят: «мы отступаем». Нет, товарищи, эсеры пошли назад к Керенскому. Нам говорят, что в нашей революции есть новое. Конечно, мы даем новое, потому что мы идем к социализму».

И гораздо позже, в январе 1923 года, в статье «О кооперации» Ильич писал: «В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торговскую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при неле так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения». И далее: «Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточной культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы, все-таки, теперь стоим (выделено нами — ред. ЛП)».

Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет немалые трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база). Так выстраивался Лениным прагматическая ревизия марксизма.

Важно помнить, что заявление о возможности установить социализм в ходе начавшейся в 1917 году революции было неожиданным для абсолютного большинства самих большевиков! Хотя предположения о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую Ленин делал и раньше. Тем не менее, в 1917-м году, в марксистской партии общезвестным считалось, что крестьянская Россия стоит перед буржуазно-демократической революцией.

В разгар революции 1905 года III съезд РСДРП (сугубо большевистский — меньшевики на нем не присутствовали!) заявлял: «Российский пролетариат сумеет исполнить



свой долг до конца. Он сумеет стать во главе народного вооруженного восстания. Он не испугается трудной задачи участия во временном революционном правительстве, если эта задача выпадет на его долю. Он сумеет разбить все контрреволюционные попытки, беспощадно раздвинуть всех врагов свободы, груду отстоять демократическую республику, добиться революционным путем осуществления всей нашей программы минимум. Не страшиться, а страстно желать этого исхода должны российские пролетарии. Победив в предстоящей демократической революции, мы сделаем этим гигантский шаг вперед к своей социалистической цели, мы сбросим со всей Европы ярмо реакционной военной державы и поможем быстрее, решительнее и смелее пойти к социализму нашим братьям, сознательным рабочим всего мира, которые так истомились в буржуазной реакции и духовно оживают теперь при виде успехов революции в России. А с помощью социалистического пролетариата мы сумеем не только отстоять демократическую республику, но и пойти к социализму семимильными шагами».

Итогом буржуазной революции должна была стать «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». Это — так называемая, «старобольшевистская» формула. Но в апреле 1917 года Ленин призвал смотреть на подымающуюся революционную волну уже по-другому — по «новобольшевистски»: «В чем состоит двоевластие? В том, что рядом с Временным правительством, правительством буржуазии, сложилось еще слабое, зачаточное, но все-таки несомненно существующее на деле и растущее другое правительство: Советы рабочих и солдатских депутатов».

Каков классовый состав этого другого правительства? Пролетариат и крестьянство (одетое в солдатские мундиры). Каков политический характер этого правительства? Это — революционная диктатура, т. е. власть, опирающаяся прямо на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу, не на закон, изданный централизованной государственной властью. Это — власть совсем не того рода, какого бывает вообще власть в парламентарной буржуазно-демократической республике обычного до сих пор, господствующего в передовых странах Европы и Америки типа. Часто забывают это обстоятельство, часто не вдумываются в него, а в нем вся суть. Эта власть — власть того же типа, какого была Парижская Коммуна 1871 года». («О двоевластии» апрель 1917 г.). Аналогия тем более уместна, что Коммуна и российские Советы рабочих и солдатских депутатов были органами диктатуры пролетариата и мелкой буржуазии.

В апреле 1917 на Петроградской общегородской конференции РСДРП(б) Ленин говорил: «Оригинальность положения — в двоевластии. За границей, куда ни одна газета левее «Речи» не доходит и где англо-французские буржуазные газеты говорят о полномасштабном Временном правительстве и «хаосе» в лице Совета Р. и С. Д., никто не имеет точного представления о двоевластии. Только на месте здесь мы уже узнали, что Совет Р. и С. Д. отдал власть Временному правительству. Совет Р. и С. Д. есть осуществление диктатуры пролетариата и солдат; среди последних большинство крестьян. Это и есть диктатура пролетариата и крестьянства. Но эта «диктатура» вошла в соглашение с буржуазией. Тут и нужен пересмотр «старого» большевизма. Создавшееся положение показывает, что диктатура пролетариата и крестьян переплелась с властью буржуазии. Положение изумительно своеобразно. Не бывало таких революций, чтобы представители революционного пролетариата и крестьянства, будучи вооружены, заключили союз с буржуазией, имея власть, уступили ее буржуазии. Буржуазия имеет в своих руках силу капитала и силу организации. Надо еще удивляться, что рабочие оказались все же достаточно организованными. Буржуазная революция в России закончена (выделено нами — ред. ЛП), поскольку власть оказалась в руках буржуазии. Здесь «старые большевики» опровергают: «она не закончена — нет диктатуры пролетариата и крестьян». Но Совет Р. и С. Д. и есть эта диктатура». И далее о характере развернувшейся революции: «Жизнь сплела диктатуру пролетариата и крестьянства с диктатурой буржуазии. Дальнейшая ступень — диктатура пролетариата, но он еще недостаточно организован и просвещен, его надо просветить. Нужны по всему государству такие Советы рабочих и прочих депутатов, это требование жизни. Другого пути нет. Это и есть Парижская Коммуна! Совет рабочих депутатов не профессиональная организация, чего хочет буржуазия. Народ смотрит иначе и правильно: он видит в нем власть. Он видит, что путь выхода из войны — победа Советов рабочих депутатов. Вот это и есть тип государства, при котором можно идти к социализму. Когда власть захватит группа — это еще немного. Русская революция подняла выше: другой власти, чем Совет, быть не может, и буржуазия этого боится. Пока власть не захватили Советы, мы ее не возьмем. Советы же должны толкать к власти живая сила. Иначе мы не выйдем из войны, которую ведут капиталисты обманом народа. Все страны стоят на краю гибели; надо это сознавать; выхода кроме социалистической революции нет».

Словом, «новые» большевики, в отличие от меньшевиков, сумели творчески подойти к революционной ситуации в России. С подачи Ленина они увидели, что рабоче-крестьянский блок может завести революцию дальше обычных буржуазных рамок. Традиционная для Запада схема буржуазно-демократических революций в «азиатской» России, дей-

ствительно, не работала. Тут большевики в некотором смысле подтвердили правоту идеи народников о своеобразном историческом пути России. Хотя по иронии истории именно в борьбе с народниками рождался в XIX веке российский марксизм... В противостоянии ортодоксальных марксистов-меньшевиков и отменных практиков революции-большевиков, которые отошли от марксизма, политический успех оказался за последними. Только вот подлинный социализм в отсталой стране большевики — ленинцы и сталинцы — так затем и не построили...

СВОЕЮ СОБСТВЕННОЙ РУКОЙ!

Как практика революции Ленина интересовало не только, что такое социализм, но и как можно его достичь. Поэтому формам и методам революционных организаций он уделял особое внимание.

В начале 1902 года из-под его пера выходит знаменитая последняя работа «Что делать?». Здесь Ильич повторяет и развивает тезис теоретика немецкой социал-демократии Карла Каутского о том, что самостоятельно пролетариат не может подняться выше реформистского тред-юнионистского сознания. А поэтому пролетариату нуждаются в авангарде, организуемом, а значит и управляемом интеллигенцией. Она и научит их социализму. Впоследствии этот тезис ляжет в основу известной ленинской теории «авангардной партии»...

В «Что делать?» Ленин цитирует Каутского: «... Современное социалистическое сознание может возникнуть только на основе глубокого научного знания. В самом деле современная экономическая наука настолько же является условием социалистического производства, как и современная, скажем, техника, а пролетариат при всем своем желании не может создать ни той, ни другой; обе они возникают из современного общественного процесса. Носителем же науки является не пролетариат, а буржуазная интеллигенция».



Впоследствии, уже как практик революции, Ленин на втором Всероссийском съезде горнорабочих в начале 1921 года резонно возражал тем, кто требовал передать власть профсоюзам: «Разве знает каждый рабочий, как управлять государством? Практические люди знают, что это сказки, что у нас миллионы рабочих профессионально организованных переживают то, что мы говорили, что профессиональные союзы есть школа коммунизма и управления. Когда они пробудут в школе эти годы, они научатся, но это идет медленно. Мы даже неграмотность не ликвидировали. Мы знаем, как рабочие, связанные с крестьянами, поддаются на непролетарские лозунги. Кто управлял из рабочих? Несколько тысяч на всю Россию, и только. Если мы скажем, что не партия проводит кандидатуры и управляет, а профессиональные союзы сами, то это будет звучать очень демократично, на этом, может быть, можно поймать голоса, но не долго. Это губит диктатуру пролетариата». И далее: «Чтобы управлять, надо иметь армию закаленных революционеров-коммунистов, она есть, она называется партией. Весь синдикалистский вздор, обязательные кандидатуры производителей — все это нужно бросить в корзину для ненужной бумаги. Если на этот путь идти, это на деле означает — партию в сторону, на деле диктатуры пролетариата в России не может быть».

Получалось, что в ходе социальной революции пролетариату предстоит организовать наиболее эффективное в истории производство и распределение на самой современной базе, через самоуправление изжить государственность, национальные, религиозные и прочие пережитки капитализма. Но он хотя политически активен, все же так забит и необразован, что сам не может додуматься до социализма, а тем более управлять его строительством. Но как же он тогда осуществит коммунизм? Как мы уже знаем, по мысли Ленина, проблему должен решить авангард пролетариата — революционная партия. РСДРП(б)-РКП(б) и была такой партией, у руководства которой преимущественно стояла мелкобуржуазная, дворянская, а порой и буржуазная по происхождению интеллигенция. Но ее непролетарское бытие рождало, якобы, социалистическое сознание, которое она и несла пролетариям.

В годы Октябрьской революции теория Ленина воплотилась на практике в отношении к самым массовым объединениям пролетариев — профсоюзам. С одной стороны, вторая программа РКП(б) заявляла, что профсоюзы (правда, довольно развитые и хорошо организованные, каких в России было немного) должны прийти к «сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым». В этом партии виделась гарантия привлечения миллионов трудящихся к ведению хозяйства и «главное средство борьбы с бюрократизацией эконо-

мического аппарата Советской власти». Но рядом с этим возникли теория и практика «приводного ремня». Подробно механизм этого «устройства» изложен в знаменитой работе Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»: «Партия непосредственно опирается в своей работе на профессиональные союзы, которые насчитывают теперь, по данным последнего (IV. 1920) съезда, свыше 4 миллионов членов, будучи формально беспартийными. Фактически все руководящие учреждения громадного большинства союзов и в первую голову, конечно, общепрофессионального всероссийского центра или бюро (ВЦСПС — Всероссийский центральный совет профессиональных союзов) состоят из коммунистов и проводят все директивы партии. Получается, в общем и целом, формально не коммунистический, гибкий и сравнительно широкий, весьма могучий, пролетарский аппарат, посредством которого партия связана тесно с классом и с массой и посредством которого, при руководстве партии, осуществляется диктатура класса. Управлять страной и осуществлять диктатуру без теснейшей связи с профсоюзами, без горячей поддержки их, без самоотверженной работы их не только в хозяйственном, но и в военном строительстве мы, разумеется, не смогли бы не только в течение 2 1/2 лет, но и 2 1/2 месяцев. Понятно, что эта теснейшая связь на практике означает очень сложную и разнообразную работу пропаганды, агитации, своевременных и частых совещаний не только с руководящими, но и вообще влиятельными деятелями профсоюзов, решительной борьбы с меньшевиками, которые до сих пор имеют известное, хотя и совсем небольшое, число приверженцев, которых и учат всевозможным контрреволюционным проделкам, начиная от идейной защиты (буржуазной) демократии, от проповеди «независимости» профсоюзов (независимость — от пролетарской государственной власти!) до саботажа пролетарской дисциплины и т. д. и т. п.

(...) Затем, разумеется, вся работа партии идет через Советы, которые объединяют трудящиеся массы без различия профессий. Уездные съезды Советов являются таким демократическим учреждением, которого еще не видывали самые лучшие из демократических республик буржуазного мира, и через эти съезды (за которыми партия старается следить как можно внимательнее), а равно и через постоянные командировки сознательных рабочих на всякие должности в деревне, осуществляется руководящая роль пролетариата по отношению к крестьянству, осуществляется диктатура городского пролетариата, систематическая борьба с богатым, буржуазным, эксплуататорским и спекулирующим крестьянством и т. д.

Механизм Советской власти как власти пролетариата Ильич детализирует перед коммунистами-делегатами VIII съезда Советов, членами ВЦСПС и МГСПС. Он отмечает: «Профсоюзы, по месту их в системе диктатуры пролетариата, стоят, если можно так выразиться, между партией и государственной властью. При переходе к социализму неизбежна диктатура пролетариата, но поголовной организацией промышленных рабочих не осуществляется эта диктатура (выделено нами — ред. ЛП). Почему? Мы можем об этом прочесть в тезисах II конгресса Коминтерна о роли политической партии вообще. Здесь я не буду на этом останавливаться. Получается такая вещь, что партия, так сказать, вбирает в себя авангард пролетариата, и этот авангард осуществляет диктатуру пролетариата. И, не имея такого фундамента, как профсоюзы, нельзя осуществлять диктатуру, нельзя выполнять государственные функции. Осуществлять же их приходится через ряд особых учреждений опять-таки нового какого-то типа, именно: через советский аппарат. В чем своеобразность этого положения в отношении практических выводов? В том, что профсоюзы создают связь авангарда с массами, профсоюзы повседневной работой убеждают массы, массы того класса, который один только в состоянии перевести нас от капитализма к коммунизму. Это с одной стороны. С другой стороны, профсоюзы — «резервуар» государственной власти. Вот что такое профсоюзы в период переходный от капитализма к коммунизму. Вообще нельзя осуществлять этот переход, не имея главенства того класса, который один только воспитан капитализмом для крупного производства и один только оторван от интересов мелкого собственника. Но диктатуру пролетариата через его поголовную организацию осуществить нельзя. Ибо не только у нас, в одной из самых отсталых капиталистических стран, но и во всех других капиталистических странах пролетариат все еще так раздроблен, так принижен, так подкуплен кое-где (именно империализмом в отдельных странах), что поголовная организация пролетариата диктатуры его осуществить непосредственно не может. Диктатуру может осуществлять только тот авангард, который вобрал в себя революционную энергию класса. Таким образом, получается как бы ряд зубчатых колес. И таков механизм самой основы диктатуры пролетариата, самой сущности перехода от капитализма к коммунизму».

Вот, в общих чертах основное для большевизма (но вовсе не единственное в РКП(б)!) толкование механизма диктатуры пролетариата. Причем, толкование вполне обоснованное для отсталой крестьянской страны, которая только приступила к массовому формированию потомственного пролетариата. Той страны, где ранее сформировавшийся кадровый пролетариат европейского образца большей частью либо сгорел в огне гражданской войны и деклассировался, либо пересел в чиновничьи кресла. Именно здесь большевики, что называется, по-крупному

разошлись с Марксом! Они были правы перед конкретной исторической ситуацией — российский пролетариат не был готов взять на себя управление обществом. Но эта ситуация и в коммунизм не вела. Тут мы вновь выходим на вопрос: можно ли построить социализм в одной отсталой стране? А если можно, то что это будет за социализм? Ведь уже в «Манифесте» Маркс и Энгельс выделяют сразу несколько социализмов: феодальный, мелкобуржуазный, буржуазный, «истинный» и пр....

Но вернемся к профсоюзам. В 20-е и 30-е годы «приводной ремень» перевели на еще более короткий поводок. Самые способные профсоюзные кадры переправлялись на партийную и хозяйственную работу. В профсоюзах постепенно забывали о принципе выборности руководства, оно все чаще просто назначалось или кооптировалось. Крупные отраслевые профобъединения дробились на множество мелких организаций — как отраслевых, так и территориальных. Если к началу 30-х годов отраслевых профсоюзов насчитывалось около 50, то уже к середине десятилетия их число перевалило за 150. К 1939 году их было уже около 200! В некоторых «разукрупненных» профсоюзах насчитывалось всего по 15-20 тысяч человек. Несложно догадаться, что такие микроорганизации были бессильны перед государством и партией и потому абсолютно послушны им. Тем более что, как уже говорилось, параллельно с разукрупнением шла массовая замена выбранных руководителей профсоюзов послушными назначенцами. К стати, к 1970-м годам количество профсоюзов вернулось в рамки разумного — около 30 профобъединений.



Не лучшая участь ждала и другую массовую организацию пролетариев — фабрично-заводские комитеты. Уже в 1918 году они были слиты с профсоюзами. К 1919 году фабзавкомы, по сути, прекратили существование.

Как уже отмечалось выше, в 1918 году пролетарская Красная гвардия, которая как раз и создавалась фабзавкомками и рабочими Советами, была поглощена, а то и насильственно разоружена рабоче-крестьянской Красной армией. В том же году в Советской России исчезли классовые организации сельских пролетариев и полупролетариев — комбеды — всего лишь через несколько месяцев после своего возникновения...

Советы рабочих депутатов еще в начале 1918 года были слиты с крестьянскими Советами. Объединенные Советы были затем подчинены РКП(б) или военно-революционным комитетам.

Так закончилась недолгая история рожденной Великим Октябрем «демократической» (т. е. в союзе с беднейшим крестьянством) диктатуры пролетариата. Революционный пролетариат тогда не смог добиться большего. Тем более что, потерпев неудачу в расчете «непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране» (В. И. Ленин, ПСС, т. 44, с. 151), большевистские вожды революции взяли курс на государственный капитализм и стали внушать рабочему классу мысль о невозможности диктатуры пролетариата через собственно классовую организацию.

Между тем, по Марксу, именно поголовное участие пролетариев в управлении народным хозяйством и общественными делами как раз будет главным признаком перехода к коммунистическим отношениям. Разумеется, на такой переход способны не всякие пролетарии, а только достаточно обученные, имеющие необходимый досуг и развитые уже самим капитализмом. Вспомним, что классики марксизма считали коммунизм возможным только как действие «господствующих народов». А это подразумевает «универсальное развитие производительной силы и связанного с ним мирового общения», т. е., говоря по-современному, глобализм.

Показательно, каким Маркс и Энгельс видели отношения партии и класса: «Коммунисты не являются партией, противостоящей другим рабочим партиям».

У них нет никаких интересов, отдельных от интересов всего пролетариата в целом. Они не выставляют никаких особых принципов, под которые они хотели бы подогнать пролетарское движение.

Коммунисты отличаются от остальных пролетарских партий лишь тем, что, с одной стороны, в борьбе пролетариев различных наций они выделяют и отстаивают общ-

щие, не зависящие от национальности интересы всего пролетариата; с другой стороны, тем, что на различных ступенях развития, через которые проходит борьба пролетариата с буржуазией, они всегда являются представителями интересов движения в целом.

Коммунисты, следовательно, на практике являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед частью рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения.

Ближайшая цель коммунистов та же, что и всех остальных пролетарских партий: формирование пролетариата в класс, ниспровержение господства буржуазии, завоевание пролетариатом политической власти».

Отношение классиков к пролетарским организациям показано и в «Инструкции делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам» (1866г): «Международное Товарищество Рабочих ставит себе целью объединить, направив в общее русло, стихийное движение рабочего класса, но отнюдь не диктовать или навязывать ему какие бы то ни было доктринерские системы. Поэтому конгрессу не следует провозглашать какую-либо особую систему кооперации, а следует ограничиться изложением некоторых общих принципов».

Кроме того, Первый Интернационал, который был создан при активном участии классиков и во многом признавал их своими лидерами, был очень мало похож на партию «ленинского типа». Это была федерация национальных секций, которые сами решали свои текущие дела. Генеральный Совет Интернационала решал лишь самые общие вопросы движения.

Классики марксизма утверждали, что освобождение пролетариата обязательно должно быть делом рук самого пролетариата. Иначе «воскреснет вся старая мерзость».

МАРКСИЗМ СЕГОДНЯ

На первый взгляд, большевизм более актуален, чем классический марксизм. Ведь он на полвека моложе учения Маркса. Несмотря на это, именно классики марксизма научно предвидели современные нам исторические процессы.

Еще в 1845-46 годах в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс писали: «Это развитие производительных сил является, далее, необходимой предпосылкой потому, что только вместе с универсальным развитием производительных сил устанавливается универсальное общение людей, благодаря чему, с одной стороны, факт существования «лишенной собственности» массы обнаруживается одновременно у всех народов (всеобщая конкуренция), — каждый из этих народов становится зависимым от переворотов у других народов, — и, наконец, местно-ограниченные индивиды сменяются индивидами всемирно-историческими, эмпирически универсальными. Без этого

1) коммунизм мог бы существовать как нечто местное,

2) сами силы общения не могли бы развиваться в качестве универсальных, а потому невыносимых сил: они остались бы на уровне домашних и окруженных суевением «обстоятельств», и

3) всякое расширение общения упразднило бы местный коммунизм». Здесь перед нами предстают как процессы глобализации, так и приговор «местным коммунизмам» XX века, уже, в основном, приведенный историей в исполнение...

Впрочем, в каком отношении большевизм находится к марксизму — сегодня этот вопрос уже принадлежит истории. Вместе с делением российских марксистов на большевиков и меньшевиков. Заявлять о приверженности большевизму в начале XXI века — по сути дела означает вновь ориентироваться на радикальную буржуазно-демократическую революцию в национально-государственных рамках, которую должен проводить двуклассовый союз рабочих и крестьян под руководством авангардной партии, а не «трусливая буржуазия» и ее идеологи. Как и вновь произвольно называть такую революцию социалистической. Это означает, в свою очередь, вновь пытаться использовать революционные настроения рабочего класса для установления в стране не диктатуры пролетариата, а диктатуры над пролетариатом. Теоретические и практические расхождения между большевиками, меньшевиками и другими революционными течениями той эпохи во многом идут именно отсюда. Но очевидно, что сегодня перед российскими марксистами стоят уже иные проблемы и задачи.

Во-первых, нам нужно стать действительно марксистами, т. е. размежеваться с т. н. «марксизмом-ленинизмом». В СССР усилиями «красных профессоров» марксизм покрывался таким слоем ревизионизма, что превратился в свою противоположность.

К примеру, для многих «советских коммунистов» неожиданностью будет узнать, что по Марксу общественные формации делятся не на знаменитую «пятичленную»: первобытный

строй, рабовладение, феодализм, капитализм, коммунизм, а на три: первобытный коммунизм, частнособственническо-эксплуататорская формация, глобальный коммунизм. И это не самое страшное искажение марксизма. Хуже, когда под властью «коммунистической» партии принадлежность ко вновь эксплуатируемому пролетариату объявляется поводом для «социалистической» гордости, что должно быть увековечено. Маркс смотрел на дело иначе: «Позтому понятие производительного рабочего отнюдь не исчерпывается отношением между деятельностью и ее полезным эффектом, между рабочим и продуктом его труда: оно включает в себя так же специфически общественное, исторически возникшее производственное отношение, делающего рабочего непосредственным орудием возрастания капитала. Следовательно, быть производительным рабочим — вовсе не счастье, а проклятие». («Капитал», том 1, отдел 5, глава 14). В ходе социальной революции пролетарское состояние наемного работника, производящего прибавочную стоимость, должно быть преодолено, а не, наоборот, распространяться на подавляющую часть общества, как было в СССР.

Или возьмем вопрос о государстве. Многие ли из «советских коммунистов» согласятся с тем, что после победы пролетарской коммунистической революции оно должно отмирать, а не укрепляться? Мысль об отмирании государства была особенно опасна в СССР, перед лицом правящей советской буржуазной бюрократии — «номенклатуры». Сегодня эту традицию о большим успехом наследует Северная Корея. Словом, большинство российских левых все еще ждет открытия подлинного марксизма!

Во-вторых, нам следует всерьез заняться изучением богатого научного наследия классиков марксизма. По мысли Энгельса, с тех пор как социализм стал наукой, он требует к себе отношения как к науке — требует, чтобы его изучали. У современных марксистов есть компьютеры, Интернет, электронная почта, современная оргтехника, как правило, 8-часовой рабочий день. Есть (пока!) более-менее легальные условия деятельности. И при этом теоретически мы в большинстве случаев остаемся пока детьми перед ученостью, кругозором и глубиной мысли не то что классиков марксизма, а даже теоретиков любой из фракций РСДРП вековой давности.

Кроме того, нас ждет соединение марксизма с пролетарским движением. Но для этого в России и СНГ, естественно, должны быть и то, и другое. С годами молодые пролетарии, которые в отличие от своих отцов, не знают советских традиций «кнута и пряника», осознают свой классовый интерес и начнут все жестче его отстаивать. Немногочисленные примеры этого есть уже сегодня. Марксистам предстоит выступить катализаторами данного процесса. Необходимо ускорить и облегчить понимание глубокой исторической закономерности и неизбежности антагонизма классовых интересов пролетариев, значительной части других наемных работников, с одной стороны, и капиталистов-работодателей, с другой. Необходимо будет способствовать скорейшему объединению пролетариев в любые формы массовой самоорганизации, обретению ими собственных СМИ. А затем — подключиться к работе таких организаций, стимулировать в них революционно-коммунистическую струю против струи тред-юнионистской.

Для всего этого сами марксисты должны быть пролетариями или выходцами из близких к пролетариату слоев. Мы должны из собственной жизни черпать пролетарские традиции, взгляд на жизнь и вместе со своим классом сбросить, в конце концов, пролетарское состояние. Иное же социальное бытие, объективно формирует в людях другое — не пролетарско-коммунистическое — сознание. Тогда как освобождение пролетариата должно быть делом рук самого пролетариата.

Всё это вовсе не исключает необходимости политического авангарда пролетарского класса. Он, несомненно, возникнет. Только что это будет за авангард? Это будут никто иные, как наиболее образованные, классово сознательные и социально-активные пролетарии. Тем более, что сам капитал вынужден обеспечить немалому числу пролетариев приличное образование и более-менее широкий кругозор, чтобы они могли управляться с современным производством. Не случайно пролетарий с высшим образованием давно перестал быть редкостью — как в материальном, так и в нематериальном производстве. Более того, капитал вынужден все больше допускать пролетариев к текущему управлению производством. Иначе отчуждение наемного труда сводит к нулю эффект от применения современных производственных сил. Ведь они все больше требуют творческого подхода к делу. А значит, в конечном счете, все более настоятельно требуют революционного преодоления любой формы наемного труда.

Южное бюро
Марксистской рабочей
партии.

